

Куприн Александр Иванович

Жидкое солнце
И другие рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович К.**
Жидкое солнце: И другие рассказы / Куприн Александр Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 358 с.

ISBN 978-5-519-91834-3

ISBN 978-5-519-91834-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Жидкое солнце .	5
Черная молнія	77
Мученикъ моды	110
Кислородъ .	117
Свѣтлый конецъ	122
Слоновья прогулка	132
Медвѣди . .	139
Барбось и Жулька	143
Бонза .	148
Дѣтскій садъ .	159
Таперъ .	166
Ужасъ	182
Негласная ревизія	190
Духъ вѣка .	210
Оборотень	217
Кровать	228
Первенецъ	234
Чары . .	240
Пиратка	245
Сны	256
Локонь . .	261
Погибшая сила .	269
По заказу	288
Легенда	302
Самоубійство .	306
Пасхальныя яйца .	310
Травка . .	314
Зачарованный глухарь	320
Путешественники .	325
О Чеховѣ	334
Замѣтка о Джекѣ Лондонѣ .	337

ЖИДКОЕ СОЛНЦЕ.

Я, Генри Диббл, приступаю къ правдивому изложению нѣкоторыхъ важныхъ и необыкновенныхъ событій моей жизни съ большою осторожностью и вполне естественной робостью. Многое изъ того, что я нахожу необходимымъ записать, безъ сомнѣнія, вызоветъ у будущаго читателя моихъ записокъ удивленіе, сомнѣніе и даже недовѣріе. Къ этому я уже давно приготовился и нахожу заранѣе такое отношеніе къ моимъ воспоминаніямъ вполне возможнымъ и логичнымъ. Да и надо признаться: мнѣ самому часто кажется, что годы, проведенные мною частью въ путешествіяхъ, частью на высотѣ шести тысячъ футовъ на вершинахъ вулкана Каямбэ въ южно-американской республикѣ Эквадоръ, не прошли въ реальной, дѣйствительной жизни, а были лишь страннымъ, фантасматическимъ сномъ, или бредомъ мгновеннаго, потрясающаго безумія.

Но отсутствіе четырехъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, но періодически повторяющіяся головныя боли и то пораженіе зрѣнія, которое называется въ простонародьи «куриной слѣпотой», каждый разъ своей фактической неоспоримостью вновь заставляютъ меня вѣрить въ то, что я былъ на самомъ дѣлѣ свидѣтелемъ самыхъ удивительныхъ вещей въ мірѣ. Наконецъ, вовсе ужъ не бредъ, и не сонъ, и не заблужденіе тѣ четыреста фунтовъ стерлинговъ, что я получаю аккуратно по три раза въ годъ

изъ конторы «Э. Найдстонъ и Сынъ», Реджентъ Стритъ, 451. Это—пенсія, которую мнѣ великодушно оставилъ мой учитель и патронъ, одинъ изъ величайшихъ людей во всей человѣческой исторіи, погибшій при страшномъ крушеніи мексиканской шкуны «Гонзалесъ».

**
*

Я окончилъ математическій факультетъ по отдѣлу физики и химіи въ Королевскомъ университетѣ въ тысяча... Вотъ кстати и опять новое и всегдашнее напоминаніе о пережитыхъ мною приключеніяхъ. Кромѣ того, что какимъ-то блокомъ или цѣпью мнѣ отхватило во время катастрофы пальцы лѣвой руки, кромѣ пораженія зрительныхъ нервовъ и пр., я, падая въ море, получилъ, не знаю въ какой моментъ и какимъ образомъ, жестокій ударъ въ правую верхнюю часть темени. Этотъ ударъ почти не оставилъ внѣшнихъ слѣдовъ, но страшно отразился на моей психикѣ: именно, на памяти. Я прекрасно припоминаю и восстанавливаю воображеніемъ слова, лица, мѣстность, звуки и порядокъ событій, но для меня навѣки умерли всѣ цифры и имена собственные, номера домовъ и телефоновъ и историческая хронологія; выпали безслѣдно всѣ годы, мѣсяцы и числа, отмѣчающіе этапы моей собственной жизни, улетучились всѣ научныя формулы, хотя любую я могу очень легко вывести изъ простѣйшихъ послѣдовательнымъ путемъ, исчезли фамиліи и имена всѣхъ, кого я зналъ и знаю, и это обстоятельство для меня очень мучительно. Къ сожалѣнію, я не велъ тогда дневника, но двѣ-три уцѣлѣвшія записныя книжки и кое-какія старыя письма помогаютъ мнѣ до извѣстной степени ориентироваться.

Словомъ, я окончилъ курсъ и получилъ званіе магистра физики за два, три, четыре года, а можетъ быть, даже и за пять лѣтъ до начала XX столѣтія. Какъ разъ

къ этому времени разорился и умеръ мужъ моей старшей сестры Модъ, фермеръ изъ Норфолька, который перѣдко поддерживалъ меня во время моего студенчества матеріально, а главное—нравственно. Онъ твердо вѣрилъ, что я останусь для продолженія ученой карьеры при одномъ изъ англійскихъ университетовъ и со временемъ возсіяю яркой звѣздой просвѣщенія, отъ которой падеть лучъ славы и на его скромное семейство. Это былъ здоровый, крѣпкій весельчакъ, сильный, какъ быкъ, не дуракъ выпить, слѣть куплетъ и побоксировать,—совсѣмъ молодчина въ духѣ доброй, старой, веселой Англiи. Онъ умеръ отъ апоплексическаго удара, ночью, объѣвши за ужиномъ четвертью беркширской баранины, которую онъ заправилъ крѣпкой соей, бутылкой виски и двумя галлонами шотландскаго свѣтлаго пива.

Его предсказанія и пожеланія не исполнились. Я не попалъ въ комплектъ будущихъ ученыхъ. Еще больше: мнѣ не посчастливилось даже достать мѣсто преподавателя, или тьютора въ какомъ-нибудь изъ лицеевъ или въ средней школѣ; я попалъ въ какую-то заколдованную, неумолимую, свирѣпую, равнодушную, длительную полосу неудачи. Ахъ, кто, кромѣ рѣдкихъ баловней судьбы, не знаетъ и не несъ на своихъ плечахъ этого безразсуднаго, нелѣпаго, слѣпотаго ожесточенія судьбы? Но меня она била чересчуръ упорно.

Ни на заводахъ, ни въ техническихъ конторахъ — нигдѣ я не могъ и не умѣлъ пристроиться. Большею частью я приходилъ слишкомъ поздно: мѣсто уже бывало занято.

Во многихъ случаяхъ мнѣ почти сразу приходилось убѣждаться, что я вхожу въ соприкосновеніе съ темной, подозрительной компаніей. Еще чаще мнѣ ничего не платили за мой двухъ-трехмѣсячный трудъ и выбрасывали на улицу, какъ котенка. Нельзя сказать, чтобы я былъ особенно перѣшпителенъ, застѣнчивъ, ненаход-

чивъ или, наоборотъ, обидчивъ, самолюбивъ и строптивъ. Нѣтъ, просто обстоятельства жизни складывались противъ меня.

Но я былъ прежде всего англичаниномъ и уважалъ себя, какъ джентльмена, представителя величайшей націи въ мірѣ. Мысль о самоубійствѣ въ этотъ ужасный періодъ жизни никогда не приходила мнѣ въ голову. Я боролся противъ несправедливости рока съ холоднымъ, трезвымъ упорствомъ и съ твердой вѣрой въ то, что никогда, никогда, никогда англичанинъ не будетъ рабомъ. И судьба, наконецъ, сдалась передъ моимъ англо-саксонскимъ мужествомъ.

Я жилъ тогда въ самомъ грязнѣйшемъ изъ грязныхъ переулковъ Бетналъ-Грина, въ забытомъ Богомъ Истъ-Эндѣ и ютился за ситцевой перегородкой у портового рабочаго, носильщика угля. За квартиру я платилъ ему 4 шиллинга въ мѣсяцъ и, кромѣ того, долженъ былъ помогать спрягать его женѣ, учить читать и писать трехъ его старшихъ дѣтей, а также мыть кухню и черную лѣстницу. Хозяйева всегда радушно приглашали меня обѣдать, но я не рѣшался обременять ихъ нищенскій бюджетъ. Я обѣдалъ напротивъ, въ мрачномъ подвалѣ, и, Богъ вѣдаетъ, сколько копачьихъ, собачьихъ и конскихъ существованій лежитъ невольно на моей мрачной совѣсти. Но за эту естественную деликатность мастеръ Джонъ Джонсонъ, мой хозяинъ, платилъ мнѣ большимъ вниманіемъ: когда въ докахъ Истъ-Энда случалось много работы и не хватало рукъ, а цѣна на нихъ поднималась страшно высоко, онъ всегда умудрялся устраивать меня на не особенно тяжелую разгрузку или нагрузку, гдѣ я, шутя, могъ зарабатывать 8—10 шиллинговъ въ сутки. Жаль только, что этотъ прекрасный, добрый и религіозный человѣкъ по субботамъ аккуратно напивался какъ язычникъ и имѣлъ въ эти дни большую склонность къ боксу.

Кромѣ обязательныхъ кухонныхъ занятій и случай-

ной работы въ порту, я перепробовалъ множество смѣш-
ныхъ, тяжелыхъ и оригинальныхъ профессій. Помогалъ
стричь шуделей и обрѣзать хвосты фоксъ-террьерамъ,
торговать въ колбасной лавкѣ во время отсутствія ея
владѣльца, приводилъ въ порядокъ запущенныя библіо-
теки, считалъ выручку въ скаковыхъ кассахъ, давалъ
урывками уроки математики, психологіи, фехтованія,
богословія и даже танцевъ, переписывалъ скучнѣйшіе
доклады и идіотскія повѣсти, нанимался смотрѣть за
извозчичьими лошадьми, пока кучера ѣли въ трактирѣ
ветчину и пили пиво; иногда одѣтый въ униформу ска-
тывалъ ковры въ циркѣ и выравнивалъ граблями тырсу
манежа во время антрактовъ, служилъ сэндвичемъ, а
иногда выступалъ на состязаніяхъ въ боксѣ, въ разрядѣ
средняго вѣса, переводилъ съ нѣмецкаго языка на англій-
скій и наоборотъ, писалъ надгробныя эпитафіи, и мало ли
чего я еще ни дѣлалъ! По совѣсти говоря, благодаря
моей неистощимой энергіи и умѣренности, я не особенно
нуждался. У меня былъ желудокъ какъ у верблюда,
150 англійскихъ фунтовъ вѣсу безъ одежды, здоро-
вые кулаки, крѣпкій сонъ и большая бодрость духа. Я
такъ приспособился къ бѣдности и къ необходимымъ
лишеніямъ, что могъ не только посылать время отъ вре-
мени кое-какіе гроши моей младшей сестрѣ Эсфири, ко-
торую бросилъ въ Дублинѣ съ двумя дѣтьми мужъ,
ирландецъ, актеръ, пьяница, лгуны, бродяга и разврат-
никъ, — но и слѣдить напряженно за наукой и обще-
ственной жизнью, читалъ газеты и ученые журналы, по-
купалъ у букинистовъ книги, абонировался въ библіо-
текѣ. Въ эту пору мнѣ даже удалось сдѣлать два не-
значительныхъ изобрѣтенія: очень дешевый приборъ,
механически предупреждающій паровознаго машиниста
въ туманѣ или въ снѣжную бурю о закрытомъ семафорѣ,
и особую, почти неистощимую паяльную лампу, да-
вавшую водородный пламень. Надо сказать, что не я
воспользовался плодами моихъ изобрѣтеній — ими вос-

пользовались другіе. Но я оставался вѣрнѣ наукѣ, какъ средневѣковый рыцарь своей дамѣ, и никогда не переставалъ вѣрить, что настанетъ мигъ, когда возлюбленная призоветъ меня къ себѣ свѣтлой улыбкой.

**
*

Эта улыбка озарила меня самымъ неожиданнымъ и прозаическимъ образомъ. Въ одно осеннее туманное утро мой хозяинъ, добрый мистеръ Джонсонъ, побѣжалъ въ лавку напротивъ за кипяткомъ для чая и за молокомъ для дѣтей. Вернулся онъ съ сіяющимъ лицомъ, съ запахомъ виски изо рта и съ газетой въ рукахъ. Онъ сунулъ мнѣ подъ носъ газету, еще сырую и пахнущую типографской краской, и, указывая на мѣсто, отчеркнутое краемъ грязнаго ногтя, воскликнулъ:

— Поглядите-ка, старикъ. Пусть я не разберу антрацита отъ кокса, если эти строки не для васъ, парень.

Я прочиталъ не безъ интереса слѣдующее (приблизительно) объявленіе:

«Стряпчіе «Э. Найдстонъ и Сынъ, Реджентъ-Стритъ, 451, ищутъ человѣка для путешествія къ экватору, до мѣста, гдѣ ему придется остаться не менѣе трехъ лѣтъ для научныхъ занятій. Условія: возрастъ отъ 22-хъ до 30 лѣтъ, англичанинъ, безукоризненно здоровый, не болтливый, смѣлый, трезвый и выносливый, знающій одинъ, а лучше два европейскихъ языка (французскій и нѣмецкій), непремѣнно холостой и, по возможности, безъ большихъ фамиліальныхъ или иныхъ связей на родинѣ. Первоначальное жалованье 400 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Желательно университетское образованіе, въ частности же больше шансовъ на полученіе службы имѣетъ джентльменъ, знающій теоретически и практически химію и фізику. Являются ежедневно отъ 9 до 10 часовъ». Я потому такъ твердо цитирую это объявленіе, что въ моихъ немногихъ бумагахъ сохранился до

сихъ поръ его текстъ, хотя и очень небрежно записанный и смытый морской водою.

— Тебѣ природа дала длинныя ноги, сыночекъ, и хорошія легкія, — сказалъ Джонсонъ, одобрительно хлопнувъ меня по спинѣ. — Разводи же машину и давай полный ходъ. Теперь тамъ, навѣрно, набралось молодыхъ джентльменовъ безупречнаго здоровья и честнаго поведенія гораздо больше, чѣмъ ихъ бываетъ на розыгрышѣ Дэрби. Анна, сдѣлай ему сэндвичи съ мясомъ и вареньемъ. Почему знать, можетъ быть, ему придется ждать очереди часовъ пять. Ну, желаю успѣха, мой другъ. Впередъ, храбрая Англія!

На Реджентъ-Стритъ я попалъ какъ разъ въ обрѣзъ. И я мысленно поблагодарилъ природу за свой хорошій паховой аппаратъ. Отворяя мнѣ дверь, слуга сказалъ съ небрежной фамиллярностью: «Ваше счастье, мистеръ. Вы какъ разъ захватили послѣдній номеръ». И тотчасъ же укрѣпилъ на дверяхъ, снаружи, роковой анонсъ: «Пріемъ по объявленію оконченъ».

Въ полутемной, тѣсной и достаточно грязной пріемной — таковы почти всѣ пріемныя этихъ волшебниковъ изъ Сити, ворочающихъ милліонными дѣлами — дожидалось человѣкъ десять, пришедшихъ раньше. Они сидѣли вдоль стѣнъ на деревянныхъ потемнѣвшихъ, засаленныхъ и блестящихъ отъ времени скамьяхъ, надъ которыми, на высотѣ человѣческихъ затылковъ, старые обои хранили грязную широкую полосу. Боже мой, какой жалкій сбродъ, голодный, оборванный, залтанный въ конецъ нуждою, больной и забитый собрался здѣсь, какъ на выставку уродовъ. Невольно мое сердце зацемило отъ жалости и оскорбленнаго самолюбія. Землистыя лица, косые и злобно-ревнивые, подозрительные взгляды исподлобья, трясущіяся руки, лохмотья, запахъ нищеты, сквернаго табака и давнишняго алкоголя. Иные изъ этихъ молодыхъ джентльменовъ не достигли еще семнадцатилѣтняго возраста, а другимъ давно перева-

лило за пятьдесятъ. Одинъ за другимъ они блѣдными тѣнями проскальзывали въ кабинетъ и возвращались оттуда съ видомъ утопленниковъ, только что вытащенныхъ изъ воды. Мнѣ какъ-то болѣзненно стыдно было сознать себя безконечно болѣе здоровымъ и сильнымъ, чѣмъ всѣ они, взятые вмѣстѣ.

Наконецъ, дошла очередь и до меня. Кто-то пріотворилъ изнутри кабинетную дверь и, невидимый за нею, крикнулъ отрывисто и брезгливо, кислымъ голосомъ:

— Номеръ восемнадцатый и, слава Аллаху, послѣдній!

Я вошелъ въ кабинетъ, почти такой же запущенный, какъ и пріемная, съ тою только разницей, что онъ украшался облупленной клеенчатой мебелью: двумя стульями, диваномъ и двумя креслами, въ которыхъ сидѣли два пожилыхъ господина, повидимому, одинаковаго, небольшого роста, но старшій изъ нихъ, въ длинномъ рабочемъ вестонѣ, былъ худъ, смуглъ, желтолицъ и суровъ съ виду, а другой, одѣтый въ новенькій съ шелковыми отворотами сюртукъ, наоборотъ, былъ румянъ, пухлъ, голубоглазъ и сидѣлъ, небрежно развалившись и положивъ нога на ногу.

Я назвалъ себя и сдѣлалъ неглубокій, но довольно почтительный поклонъ. Затѣмъ, видя, что мнѣ не предлагаютъ мѣста, я сѣлъ было на диванъ.

— Подождите, — сказалъ смутный. — Сначала снимите вашъ пиджакъ и жилетъ. Вотъ докторъ, онъ васъ выслушаетъ.

Я вспомнилъ тотъ пунктъ объявленія, гдѣ говорилось о безукоризненномъ здоровьи, и молча скинулъ съ себя верхнюю одежду. Румяный толстякъ лѣниво выпростался изъ кресла и, обнявъ меня, прилилъ ухомъ къ моей груди.

— Наконецъ-то, хоть одинъ въ чистомъ бѣльѣ, — сказалъ онъ при этомъ небрежно.

Онъ прослушалъ мои легкія и сердце, постучалъ